

04.02.98

Александр ГЕНИС

Картины Окштейна — нью-йоркская достопримечательность. Деятельный участник художественной жизни Сохо, где постоянно проходят его персональные выставки, Окштейн известен и на международной арене. Как его ранние красочные полотна, так и более поздние монохромные работы не только украшают изысканные коллекции трех континентов, но и висят в музеях многих стран.

С тех пор как я впервые увидел женщин Окштейна, прошло лет пятнадцать. Но за прошедшие годы они, в отличие от всех остальных, нисколько не изменились. Те же хищные красавицы.

У них все длинное: ноги, пальцы, сигареты. Даже взгляд их долгий и жуткий, как у Горгоны. Они нагло смотрят прямо в глаза, зная, что они нам нужнее, чем мы им. От них не уйдешь, их не забудешь. На холстах Окштейна изображены не сами женщины, а их власть над нами. Это — яростный в совсем бесстыдном упоении триумф эроса над человеком, чувства над мыслью, иррационального влечения над умом и расчетом.

Больше всего в живописи Окштейна меня волнуют напряженные отношения одушевленного с неодушевленным. Мы привыкли считать незыблемой границу между ними. Как было сказано в «Буратино», «пациент либо жив, либо мертв». Категория одушевленности не знает сравнительной степени. Грамматика не позволя-

ет нам прибавлять к живому или неживому туманное «более или менее». Но стоит оторваться от условной грамматической необходимости ради честной физиологической действительности, как обнаружится, что вещь не равна вещи — одна бывает мертвее другой. Неодушевленность может служить маской, прикрывающей жизнь, полную страстей. В самом деле, разве одинаково безжизненны верхняя одежда и нижняя? Пальто и чулки? Купальник и бюстгальтер?

На картинах Окштейна вещи частично одушевлены, ибо все они снабжены половыми признаками. Это — не натюрморт, но и не портрет. Это — собрание фетишей, таинственных предметов, замещающих женщину.

При этом главный фетиш Окштейна — сама женщина. В ней нет ничего естественного, ничего голого, она вся прикрыта — рюшами и помадой, пунцовым лаком ногтей, ажурными кружевами перчаток, черным нейлоном чулок.

Мы не видим обнаженного тела. Оно спрятано от нас, как золотой запас в сейфе банка. Вместо него в ход идет разменная монета сексуальной параферналии. Одежда не одевает, а раздевает окштейновских дам. Provokационные наряды заряжаются от той тайны, которую они скрывают. Их извращенность — в недоговоренности.

Избегая наготы, художник умышленно переносит эротический заряд из природы в культуру. Именно одежда делает непристойными окштейновских красавиц.

Фетиши Окштейна

05 мая 1993. - 1998. -
29 мая - конец - с. 10.

Золотую медаль Флорентийской биеннале получил уроженец Черновиц

Она же превращает половой вопрос в теологический.

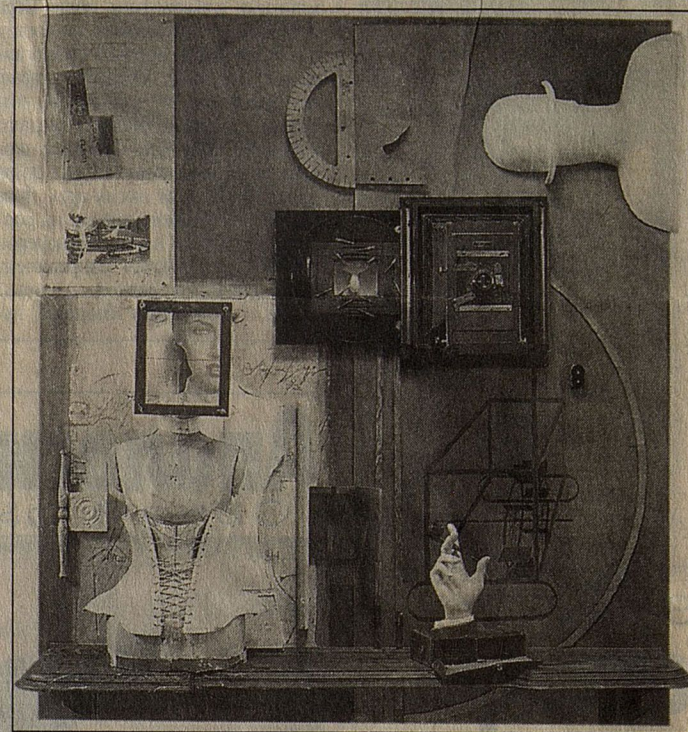
Фетишизм, в сущности, — разновидность религии. Страсть обращена не на безжизненный предмет, а на тайну. Дразня наше воо-

бражение, фетиш намекает на нее, но никогда не раскрывает. В мире, где все явно, как на нудистском пляже, не бывает фетишей. Они — обитатели той сумрачной зоны дерзких догадок и несмелых надежд, что равно чужда и верующему, и атеисту, но хорошо знакома агностику.

В этой сфере разворачивается драма окштейновской живописи. С годами менялись ее сюжеты, но неизменными оставались действующие лица: вещь и тайна.

Это постоянство позволило картинам Окштейна сохранить эротическую энергию и тогда, когда с его полотен исчез ее источник — женщина. Вместо нее поздние работы Окштейна изображают галантерейный набор: шляпа, туфля, сумка, гребешок, пуговица, наперсток. Но при всей кажущейся безобидности этого преискуранта вещи Окштейна по-прежнему эротичны. Напротив, чем дальше растягивается страсть,

чем большее расстояние отделяет ее источник от изображенного предмета, тем выше искусство художника. Это-то отличает наивную порнографию от восточного сексуального символизма с его поэзией «пустого кимоно», с которой так много общего у Окштейна.

В сущности, он — художник одной темы, и тема эта — эрос. Что бы ни изображалось на его картинах, все они «про это». Как солдат в известном анекдоте, который

думает о женщинах, глядя на кирпич, потому что он всегда о них думает, Окштейн занят исключительно сексуальными переживаниями. Но искусство его не эротическое, а магическое. Как злой волшебник, Окштейн превращает каждую женщину в вещь; как добрый — он превращает каждую вещь в женщину. Энергией этих метаморфоз и питается живопись Окштейна.

Нью-Йорк

Окштейн